

В. Г. Минина
г. Минск, Беларусь

ОБРАЗ Д. ДИДРО В РОМАНЕ М. БРЭДБЕРИ «В ЭРМИТАЖ!»

Роман британского писателя и литературного критика, лауреата Буке-ровской премии Малколма Брэдбери (1932–2000) «В Эрмитаж!» (To the Hermitage, 2000) – его последнее произведение, оно стало своеобразным литературным завещанием автора, «итоговым произведением» [1, с. 110]. Его называют «полистилистическим и многожанровым романом» [2]. Помимо всего прочего, это одновременно историографический роман и роман об истории. Он повествует об исследовании под названием «Проект Дидро», в ходе которого ведутся поиски бесследно исчезнувшей библиотеки великого французского философа. Ее поиски проводят довольно разношерстную когорту исследователей, которых таковыми и назвать можно с натяжкой (писатель, профессор, оперная дива, актер, дипломат, столяр), в послеперестроечный Петербург. В повествовании два временных пласта: настоящее (1990 годы) и прошлое (XVIII век, время правления Екатерины Великой), которые регулярно сменяют друг друга. Так, в прошлом автор, помимо прочих исторических личностей (Екатерина Великая, Дашкова, Нарышкин, скульптор Фальконе и др.), воскрешает фигуру самого Дени Дидро, помещая его во

всевозможные жизненные ситуации: то интеллектуальные баталии с Екатериной Великой, то бытовые неурядицы, то корреспонденция с супругой и любовницей. Образ французского философа Д. Дидро является не только ключевым, но и также смысло- и сюжетообразующим в романе.

В предисловии к роману автор пишет, что, конечно же, далеко не все события достоверны, он вольно обращался с судьбами и биографиями персонажей, приписывая им несуществующие черты, наделяя их новыми привычками, даря несуществующие встречи и погружая в неожиданные перипетии, что в большей степени касается французского мыслителя: «Особенно щедр был я к своему главному герою – Дени Дидро, самому очаровательному из философов, ныне, увы, забытому: напоминает о нем лишь название одного из районов Парижа и станции метро. Дидро и сам чувствовал зыбкость своего существования, сам ощущал себя лишь игрушкой Потомства – этой странной формы коллективной памяти, которая то хоронит, то воскрешает, то возносит, то смешивает с грязью, то разрушает, то восстанавливает. Дидро понимал, что История – не что иное, как жалоба прошлого на настоящее, но при этом прошлое, настоящее и будущее способны перемешиваться и проникать одно в другое. Я выступал от лица Потомства и по-своему формировал жизнь философа, упорядочивая слухи и сведения о нем. Я подарил ему (думаю, Дидро не возражал бы) несколько приятных, необычных и насыщенных месяцев, развил некоторые его идеи и сюжеты, придумал и приписал ему несколько мистификаций. В общем, влез на его сайт в Книге Судеб и основательно там покопался» [3].

Образ Дидро создан М. Брэдбери весьма многопланово: от портрета, привычек, характера и до философских взглядов и размышлений. Е. В. Царева отмечает, что писатель следует за Д. Дидро: «главное для него – идеи, а костюм и внешность имеют второстепенное значение. <...> М. Брэдбери больше говорит о философских взглядах Дидро, об интеллектуальной составляющей его образа» [1, с. 111]. Для М. Брэдбери писатель неотделим от его книг, именно поэтому автор так подробно описывает работу над главным трудом жизни Д. Дидро – «Энциклопедией», а также приводит цитаты из произведений философа.

Уже в первых строках романа мы видим, как автор описывает своего героя: *Он уже в летах, наш мудрец. Он дружелюбен и великодушен, избалован славой и исполнен доброжелательности, умен и остроумен. Его путешествие через европейский материк было долгим и многотрудным, оно началось весной на юге и закончилось студеной зимой на севере. <...> Он стар – и все же совершил это* [3]. Весь роман написан «с изрядной долей юмора, порой переходящего в иронию и откровенное пародирование», на что указывает и российский исследователь С. П. Толкачев [4] Именно в таком ключе в основном создается портрет великого французского философа, только его философские взгляды подаются серьезно.

Присутствует в романе и экфрастический портрет Дидро, о чем в том числе пишет российская исследовательница Н. С. Бочкарева [2]. Он пред-

ставлен бюстом философа, который в романе уничтожает сам скульптор. Эта сцена свидетельствует о зыбкой природе памяти – о том же говорит и автор в предисловии. Эту сцену, как указывает Н. С. Бочкарева, М. Брэдбери «позаимствовал у Дидро из «Салона 1767», где упоминаются даже «два прекрасных уха», оставшихся от разбитого бюста» [2].

Все в образе философа колоритное, яркое и запоминающееся. Вот как автор рисует его портрет: *бровастый, седовласый, хорошо сложенный мужчина лет шестидесяти с небольшим, подвижным, всегда искаженным какой-нибудь забавной гримасой лицом* [3]. Все называют его Философ, и он благосклонно принимает это наименование [3].

Как видно уже из приведенных выше примеров, практически всегда образ Дидро описывается автором с некоторой долей юмора, что, весьма вероятно, соответствовало натуре героя. У читателя нередко создается впечатление, что это не зарисовки писателя, а скорее автопортрет самого Дидро – так ироничен язык, остроумны замечания, правдоподобны размышления. Вот, к примеру, как описываются его сборы в дорогу, после того как он получил приглашение от Екатерины Великой приехать в Петербург: *Последние несколько дней Философ посвятил сборам в дорогу. Столько внимания он доселе этому делу не уделял и, учитывая почтенный возраст, вряд ли когда-нибудь уделит. Он паковал рубашки и медицинские свечи. Он набил перьями свой пенал и записными книжками – наплечную сумку. Он составил завещание, распорядился имуществом. Он дал <...> подробные, четкие инструкции относительно бумаг: тех бесчисленных философских и медицинских трактатов, поэм, пьес, рассказов, которые были не совсем рассказами, и эссе, которые были не совсем эссе, докладных записок о состоянии канализации, описаний художественных салонов, заметок о воображаемых путешествиях, приснившихся странах и отважных гордых дикарях, игривых порнографических новеллок, действие которых происходило в борделях и монастырях, – короче, относительно всего того, что породил он в бесконечном творческом угаре* [3]. Это описание основано на противоречиях, возвышенное тут соседствует с обыденным и тривиальным.

Показателен также эпизод, в котором повествуется о причинах сподвигнувших Д. Дидро отправиться в Россию. Всею виной была его энциклопедия (*две тысячи девятьсот четыре переплетенных в кожу тома* [3]), в которой собраны все знания о мире и людях. Для ее составления философ покупал и прочитывал все, что издавалось на разных языках, переводил, переписывался с выдающимися учеными современности. Он изучал все, что можно достать: это труды по философии, медицине, механике и многое другое. Все прочитанные им книги исписаны его комментариями и пометками. Это громадный труд: *Величайший замысел, Книга века, вместившая в себя все, что когда-либо было исследовано или продумано. Не бывало еще проектов более грандиозных. Но писать эту книгу – грязная, неблагоприятная и опасная работа, сулящая болезни и горести. Осуществлявшие ее подвергаются гонениям со стороны церкви и двора. Цензура в каждом утверждении, в*

каждом слове справедливо подозревает скрытый намек. А тут еще острая на язык супруга с непрерывными жалобами на бедность, на скудость литературных заработков. И дочка-плясунья, такая очаровательная и хорошо воспитанная, которая вот-вот достигнет брачного возраста и которой необходимо приличное приданое [3]. Именно эти мотивы стоят за дальнейшими действиями Дидро, когда тот намекает своим друзьям о готовности продать свою энциклопедию, по его мнению, самому выгодному покупателю – Екатерине Великой, желавшей прослыть самым просвещенным монархом. Дидро оказался настоящим дельцом. Эта деловая жилка даст о себе знать, когда философ будет скупать для российской владычицы чужие библиотеки и произведения искусства. Автор называет его *философ-скупщик* [3], который проворачивал сложнейшие сделки, *изобретал новые стратегии, не гнушался мистификациями, распускал слухи и сплетни, натравливая наследников друг на друга* [3]. Сам роман – это большая мистификация, в которой правда перемежается с вымыслом, исторические документы с фальшивками, реальные исторические личности с выдуманными персонажами, цитаты из произведений Д. Дидро с приписываемыми ему словами. Это истинный историографический роман, в котором истина неуловима и непостижима, познание современным человеком прошлого невозможно, лишь его интерпретация, ибо прошлое фрагментарно и хаотично. Результатом этого становится, по словам Даниленко И. В. «многоликий и несистематичный интертекст истории, закрепивший изменившиеся эпистемологические приоритеты» [5, с. 7].

Сборы Дидро в дальнюю дорогу также описаны с долей юмора. Сначала было *прочувствованное прощание с близкими* [3], на котором всей семьей лились потоки слез и перечислялись подстерегающие его опасности: тонущие корабли, переворачивающиеся кареты, незаконный арест, нападение разбойников, смерть от холеры, блох, голода, *не говоря уж о перспективе заблудиться или спиться* [3]. Такие панические настроения царили в доме философа до тех пор, пока к нему не пришли друзья: философа словно подменили (*в обществе и в общении он всегда оживлен, всегда на высоте* [3]). Описание вновь иронично, в нем соседствуют контрасты как с безрадостной обстановкой до, так и в описании речей философа: *Явилась выпивка, забренчало пианино. Унылые проводы превратились в развеселую вечеринку. Ночь напролет рекой лилось вино и плавно текла речь прославленного краснбая. Позабыв о так и не собранных вещах и наплевав на сон, он рассуждал о жизни и смерти, математике и астрономии, о неумолимой поступи судьбы и о рациональном устройстве очистных сооружений* [3].

Отправившись в путь, Дидро долго добирается до России, много времени проводит в дороге, с трудом преодолевая все ее тяготы и лишения. Хотя он и согласился на такой долгий путь, путешественник из него неважный, путешествовать он не любит, и до сих пор ни разу не покидал пределов Франции, хотя автор иронично пишет, что он объездил весь земной шар (*Где ему довелось побывать? Практически везде. Неумолимый, не*

знающий покоя, живой и острый ум позволил ему объездить весь свет, ни разу не покинув Францию [3]). М. Брэдбери также приписывает ему слова: «Путешествие – отличное лекарство от одиночества, <...> но лишь недоумение вызывает владельца роскошного дворца, променявший уют домашнего очага, общество родных и друзей на бессмысленные скитания по чердакам и подвалам» [3]. Но Дидро пришлось уступить настоятельным пожеланиям императрицы, с каждым годом становившимися все более настойчивыми и в конце концов ультимативными, чтобы он приехал в Петербург.

При всем пиетете автора к фигуре философа, признании его величины, в романе он предстает живым человеком, со своими причудами, недостатками и житейскими неурядицами (утерянный багаж, зубная боль, плохие дороги, мошки, скверные обеды, разбойники). М. Брэдбери часто рисует его как человека, временами рассеянного, чудаковатого и забывчивого. Он невнимателен к бытовым мелочам, повсюду теряет вещи (*ночную сорочку – в Саксонии, парик – в Померании, шлепанцы – в Польше. Обо всем, о шляпах, блокнотах, тапочках и белье, приходится заботиться и без того уставшим слугам и фореиторам* [3]). В Лейпциге он шатается по галереям, паркам и аудиториям без парика, в домашнем платье, ночном колпаке и желтых шлепанцах, приветливо заговаривает со всеми подряд [3]. Время от времени он страдает от расстройства желудка; желудочные колики – его постоянный спутник. Но вся ситуация вновь преподносится автором весьма иронично и по-философски: *Гастрит, выворачивающие наизнанку боли. «Представь себе, каково, страдая жесточайшими коликами, трястись по кошмарным дорогам. Ощущение такое, как будто в брюхо тебе воткнули острый нож и крутят им в кишках». Кто знает, может быть, жестокий понос – это цена, которую мир платит за развитие науки и высочайшие достижения человеческой мысли?* [3].

Вот как автор описывает приезд Дидро в Россию: *Через шесть недель тряски, зубной боли, потерянных париков и ночных рубашек, блошиных укусов, колик, ухаживаний за служанками, замков, свеженьких герцогинь и маркграфинь, опрокинутых карет, уволенных кучеров, соскочивших колес, холодных морей, пересеченных границ, сочиненных на случай стихов он все еще остается самим собой, его Я (Moi) не пострадало ничуть* [3].

Как все французы, Дидро галантен и обходителен с женщинами, и он осыпает комплиментами пригласившую его в Россию императрицу: *О да, Ваше Императорское Величество, это поистине самый щедрый дар судьбы за всю мою жизнь. Ваше обещание сделало меня счастливым. Пенсион и память Потомков. Теперь даже смерть не страшит меня. Я снял со стены лютню и пел хвалебную песнь Вашему Величеству* [3]. В этих словах слышится некая доля самоиронии. Вот благодарственное письмо, которое он пишет императрице, реагируя на ее желание выкупить его энциклопедию: *Я падаю перед Вами ниц, – писал он в одном из самых восторженных благодарственных посланий, когда-либо появлявшихся на свет, – я простираю к Вам руки, я жажду говорить с Вами, но боюсь, что разум мой*

бессилен: чувства переполняют меня, как малого ребенка. Мои руки сами собой тянутся к старой лире, давно заброшенной ради философии. Я снимаю ее со стены. Обнажив голову, я перебираю струны – я пою благодарственную песнь великой императрице, Вам!!! [3].

Он ненавидит петербургскую зиму, часто жалуется на стужу: *Снежные хлопья вяло опускаются на заимствованную у кого-то медвежью шубу, порхают вокруг. Под шубой — опрятный черный костюм, парик сдвинут набок, карманы забиты сделанными на обрывках бумаги и на всем, что подвернулось под руку, записями [3].* Дидро вспоминает прекрасную погоду во Франции, свой уютный дом.

В романе присутствует большое количество аллюзий, отсылок, параллелей с произведениями Д. Дидро, что, как отмечает Е. В. Царева, «позволяет рассматривать книги Д. Дидро «Жак-фаталист и его хозяин» и «Племянник Рамо» в качестве прецедентных текстов» [1, с. 113]. М. Брэдбери намеренно подражает прозе Дидро, что проявляется как на жанровом, так и на формально-содержательном уровне. Мы согласны с Е. В. Царевой, которая, в частности, указывает, что «повести «Жак-фаталист и его хозяин» и «Племянник Рамо» Д. Дидро построены как спор антагонистов. Тот же диалогический тип повествования использует М. Брэдбери, при этом он не просто воспроизводит структуру «Племянника Рамо», он строит свою книгу по тому же принципу диалектики, спора двух противоположных начал» [1, с. 114]. В романе «В Эрмитаж!» Дидро и Екатерина – антагонисты, которые в споре придерживаются диаметрально противоположных точек зрения, происходящих из их мироощущения, жизненной позиции и ценностей. Особенно противоречия очевидны в вопросах свободы, власти, выбора. Вот один из примеров их дискуссии: *ОНА: Вы и в самом деле считаете, что философ и монарх могут быть полезны друг другу? / ОН: Несомненно. К кому же ему обращаться, как не к благородному повелителю? Ведь философия сама по себе бессильна. И потому она берет себе в помощники власть — власть просвещенного монарха, как, например, вы, Ваше Величество. / И вот тогда-то она может обратиться к разуму и духу человеческому. / ОНА: Каким образом? / ОН: С правдивостью правды, мудростью мудрости, с разумностью разума. / ОНА: А вы смогли бы противоречить монарху? / ОН: Если он того пожелает [3].*

В завершение хотелось бы привести некоторые философские размышления Дидро, которые позволяют более полно обрисовать его образ: *Мой рабочий инструмент – мысль. А мыслящий человек – это тот, кто задает вопросы. Я желал бы прославиться своими вопросами, а не ответами на них. Быть возносимым за то, что заставляю людей задуматься, а не за то, что указываю им, как думать [3].*

Подводя итог, стоит сказать, что М. Брэдбери создал многогранный, глубокий, временами противоречивый образ французского мыслителя эпохи Просвещения. Д. Дидро предстал перед читателем как великим философом с глубокими экзистенциальными взглядами на мир, так и живым человеком со своими слабостями и причудами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Царева, Е. В. Жанровые традиции философской прозы Д. Дидро в книге М. Брэдбери «В Эрмитаж!» / Е. В. Царева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2010. – №. 4. – С. 110–114.
2. Бочкарева, Н. С. Экфрастический дискурс в романе М. Брэдбери «В Эрмитаж» [Электронный ресурс] / Н. С. Бочкарева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2013. – № 1 (21). – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/ekfrasticheskiy-diskurs-v-romane-m-bredberi-v-ermitazh>. – Дата доступа : 03.11.2022.
3. Брэдбери, М. В Эрмитаж! [Электронный ресурс] / М. Брэдбери ; пер. М. Б. Сапрыкина. – Режим доступа : <https://loveread.ec/book-comments.php?book=37753>. – Дата доступа : 01.11.2022.
4. Толкачёв, С. П. Образы России и Франции в романе Малькольма Брэдбери «В Эрмитаж!» / С. П. Толкачёв // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. – №11 (804). – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazy-rossii-i-frantsii-v-romane-malkolma-bredberi-v-ermitazh>. – Дата доступа : 03.11.2022.
5. Даниленко, И. В. Французский историографический метароман (на материале произведений М. Турнье, Ж.-П. Шаброля, Д. Литтелла) : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / И. В. Даниленко; Белорусский гос. ун-т. – Минск, 2021. – 25 с.